

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н82

Andre Norton
MIRROR OF DESTINY

Copyright © 1995 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии
агентства Александра Корженевского (Россия)

Оформление серии *А. Саукова*

Нортон, Андрэ.
Н82 Зеркало судьбы / Андрэ Нортон ; [пер.
с англ. Е. С. Шестаковой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 576 с.

Юная ученица ведуньи Халди, целительница
Твилла вынуждена покинуть свою покровительницу.
На прощанье ведунья дарит девушке древний талис-
ман — маленькое зеркальце — и магическое заклина-
ние, способное разбудить его волшебную силу.

Волею обстоятельств Твилла вместе с Илоном —
ослепленным демонами сыном лорда Пограничья —
оказывается в зачарованном лесу, где властвуют та-
инственные злые силы. Именно Твилле и Илону, из-
бранным, с помощью чудодейственного талисмана
предначертано раскрыть тайны колдовского леса и
избавить волшебные народы от векового проклятия...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-92889-7

© Е. Шестакова, перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Комната была узкой и длинной, с низким потолком. Эта комната обладала странным свойством — временами казалось, что она меняется в размерах. Впрочем, эту странность можно было отнести на счет богатого воображения тех, кто сюда попадал. В комнате царил невообразимый беспорядок — но и у любой другой хозяйки был бы не меньший кавардак.

На бесчисленных полках и полочках, тянувшихся вдоль стен, стояло огромное множество разнообразных ящичков, коробочек, баночек и кувшинчиков — пересчитать их все смог бы разве что самый терпеливый и усердный наблюдатель. Большие ящики были тщательно разделены перегородками на более мелкие отделения, в которых хранились запасы сушеных трав, листьев, цветков, корней и стеблей, а также пакетики с драгоценными чужеземными пряностями.

Вдоль длинного стола, стоящего посреди комнаты, выстроились ряды бутылок и бутылочек, всех мыслимых форм и размеров. Бутылочки были закупорены пробками в форме гротескной головы, явно не человеческой, скорее принадлежавшей какой-то чудовищной твари. В доме до-

бропорядочных обывателей никогда не увидишь вещиц подобного рода.

На первый взгляд эта странная длинная комната казалась слишком темной и мрачной, но когда глаза вошедшего немного привыкали, он обнаруживал, что какой-то свет все же присутствует. Этот свет, вопреки всяким законам природы, почему-то собирался и держался рядом с занятыми своими делами обитателями. В это ясное весеннее утро обитателей было двое с половиной — если считать за половинку громадного пепельно-серого кота, который сидел на столе совершенно неподвижно, словно изваяние, так что его можно было счесть продолжением батареи бутылок с пробками в виде звериных морд.

Кот внимательно наблюдал за работающей девушкой. Могло даже показаться, что кот присматривает за ее трудами — все ли она делает правильно. Девушка полностью погрузилась в работу — она ритмично водила пальцами по гладкой круглой пластинке и, чуть склонив голову, следила взглядом за движениями своих пальцев.

Девушка была совсем молоденькая, ее светло-каштановые волосы были заплетены в тугие косы, бледное лицо с немного резковатыми чертами выражало глубокую сосредоточенность. Одета она была в невзрачное и довольно потрепанное домашнее платье темно-зеленого цвета, стянутое на талии широким рабочим поясом со множеством петелек и кармашков — для разных маленьких ножичков, домашних инструментов и прочих

необходимых мелочей. Старое платье собиралось широкими складками, но все равно не скрывало по-детски тонкой фигурки девушки.

Твилла, ученица ведуньи Халди, прервала ненадолго свое занятие, поднесла правую руку к свету и внимательно осмотрела маленькие колпачки, надетые на кончики пальцев. Диск, по поверхности которого она только что водила пальцами, Твилла пристроила на колено, а левой рукой аккуратно сняла колпачки, которые успели протереться почти насквозь и казались сделанными из тончайшей, полупрозрачной паутинки. Девушка отложила использованные колпачки в сторонку и натянула на каждый палец по новому колпачку — их она взяла из коробочки, стоящей здесь же рядом, у края стола.

Надежно водрузив колпачки на пальцы, Твилла вернулась к прерванному занятию. Она полировала гладкую серебряную поверхность диска, проводя по ней пальцами — постоянно в одной и той же, неизменно повторяющейся последовательности, так что ритмичные движения ее пальцев образовывали на серебряной пластинке сложный, запутанный узор.

Вверх и вниз, туда-сюда,
Где солнце, воздух и вода!
Сила выйдет на твой зов
Изнутри, сквозь плоть и кровь!

Такие вот песенки-считалочки обычно напевают маленькие девочки, прыгая через скакалку или играя с мячиком. Только эта песенка была чем-то

большим, чем детская игра, и Твилла повторяла слова очень аккуратно — она знала, что нельзя ничего упустить или перепутать. Девушка полировала серебряное зеркальце по часу каждый день, и ничто не могло бы оторвать ее от этой кропотливой работы — разве что стены дома вдруг начали бы рушиться ей на голову.

Твилле было всего восемь лет — насколько смог определить содержатель сиротского приюта, — когда ее, неприкаянную бродяжку, схватили в порту во время очередной облавы. Время от времени городская стража устраивала такие облавы в целях поддержания общественного порядка. Как раз тогда ведунья Халди подыскивала себе ученицу — а в Варваде нашлось не так уж много семей, которые отдали бы свою дочь обучаться столь сомнительному и небезопасному ремеслу.

Уже тогда, в столь юном возрасте, Твилла хорошо усвоила суровые законы выживания — она была подозрительной, осторожной и всегда готовой постоять за себя. Но девочка не отпрянула в страхе, когда Халди, похожая в своем развевающемся плаще на странную и жутковатую птицу, указала на нее пальцем, выбрав среди пятерых претенденток.

Халди ни в малейшей мере не походила на добрую матушку — высокая и худая, с грубыми чертами лица. Когда она говорила, в ее голосе отчетливо слышались резкие, хрипловатые нотки — так говорят люди, привыкшие, чтобы им повиновались. И все же Твилла была очень довольна, что

это именно она, а не какая-нибудь другая девочка покинула сиротский приют вместе с ведуньей. Ей приходилось идти очень быстро, то и дело переходя на бег, чтобы поспевать за широкими шагами своей новообретенной госпожи и наставницы.

За десять лет, которые прошли с той поры, Твилла много раз успела поблагодарить неведомые высшие силы, принимавшие участие в ее судьбе, за то, что ведунья Халди выбрала ее в ученицы. Шли долгие месяцы, долгие годы испытаний, но Твилла училась усердно — о, как же она училась! Девочка с такой же жадностью впитывала в себя новые знания, с какой потерявшийся в пустыне странник приникает к нежданно встреченному на пути источнику.

Целой жизни не хватит, чтобы овладеть в совершенстве ремеслом ведуньи, как любила повторять Халди. Она и сама до сих пор продолжала учиться, с каждым годом упорно наращивала свои силы и мастерство. А Твилла, хотя только-только начала постигать премудрости этого ремесла, уже овладела искусством чтения и письма и неплохо натренировала память. Девушка научилась крепко запоминать то, что действительно важно. Она знала теперь, на что годится множество самых разных трав и кореньев. Твилла часто сопровождала свою наставницу к роженицам или к больным и немощным, готовым вот-вот испустить дух, так что и сами обряды, и навыки в искусстве ведуньи сделались для нее привычными, стали почти что ее второй натурой, несмотря на то что девушка

никогда еще по-настоящему не испытала на себе самой ничего подобного — ни родов, ни тяжелой болезни.

Та вещица, над изготовлением которой Твилла так усердно сейчас трудилась, предназначалась для нее — так распорядилась Халди. Где-то около трех месяцев тому назад ведунья сделала небольшое круглое зеркальце. Отражающая поверхность маленького диска выглядела тусклой и мутной, словно затуманенное оконное стекло. А тыльная сторона зеркальца была сделана из зеленоватого металла, причем каждый дюйм пластинки покрывала затейливая гравировка. В переплетении тонких, извилистых линий гравировки угадывались таинственные знаки и символы, кое-где проступали изображения каких-то причудливых животных, словно пойманных в сеть тонкой резьбы.

На долю Твиллы осталась завершающая часть работы — полировка отражающей поверхности диска до зеркального блеска. Девушка должна была отполировать зеркальце своими собственными пальцами, надев на каждый палец специальный колпачок из мягкой, шелковистой ткани, пропитанной вытяжками из разных растений. Когда Твилла полировала зеркальце, от непрерывного, размеренного трения колпачки нагревались и выделяли ароматические вещества — и благовонные, и дурно пахнущие, но все они были необходимы.

Девушка работала сосредоточенно, однако нельзя было сказать, что она при этом не видела и не слышала ничего, что творится вокруг. Твил-

ла, конечно же, заметила внезапную перемену в поведении серого кота, который все это время сидел неподвижно и присматривал за ней хозяйским взглядом. Дымок вскочил, изогнул спину и распушил хвост, глядя желтыми глазищами с двумя узкими черными щелками зрачков на наружную дверь, которая находилась как раз у Твиллы за спиной. Из горла кота вырвалось низкое, воинственное урчание. Услышав этот звук, Халди, как по сигналу, оставила свое занятие — она сидела у очага и неторопливо, размеренно помешивала деревянным половником варево, кипевшее в маленьком котелке, — и повернулась к коту. Ведунья долгим, внимательным взглядом посмотрела на Дымка, потом сняла варево с огня, подняла цепочку, на которой висел котелок, и тоже посмотрела в сторону входной двери. Не отрывая глаз от двери, она вытерла руки о полотенце, заткнутое за тесемку фартука.

Пальцы Твиллы замерли, она даже не закончила очередной виток скольжения по серебристой поверхности зеркального диска. Девушка взглянула на Халди и развернулась на стуле, чтобы тоже оказаться лицом ко входной двери. Стены этого старинного дома были очень толстыми и заглушали почти все звуки, доносившиеся из шумного порта. Но Халди, как, впрочем, и Дымок, обладала способностью чужь беду, даже когда ее еще не видно и не слышно. Беду?

Твиллу захлестнула волна дурного предчувствия. Девушка быстро сунула зеркальце в специ-

ально для него предназначенный мешочек, туго затянула шнурок и надела себе на шею, так что мешочек повис на уровне груди. Твилла не оставила его на виду, а спрятала за пазухой, под своим просторным старым платьем. Затем она поспешно сняла с пальцев использованные полировочные колпачки, сложила их вместе и бросила в большой широкогорлый кувшин, потом плотно закрыла крышку ящичка, в котором хранился запас новых колпачков.

Ничего страшного пока не случилось — никто даже не стучал в дверь...

Не успела Твилла об этом подумать, как в дверь постучали. Девушка с удивлением увидела, как ее наставница подняла руку и звонко щелкнула пальцами. Обычно Халди так явно использовала свою силу, только когда они с Твиллой были одни.

Засов на двери, повинувшись воле ведуньи, плавно скользнул в сторону, и дверь распахнулась внутрь — да так быстро, что человек, который стоял на пороге и уже поднял было руку, собираясь постучать снова, не удержал равновесия, ввалился в комнату и едва не упал. Он остановился у входа и завертел головой, слепо глядя прямо перед собой невидящими глазами, потому как из ясного, погожего дня сразу попал в полумрак. И тут, безо всякой видимой причины, в комнате мгновенно стало светлее — так что две женщины смогли ясно рассмотреть своего неожиданного гостя.

— Это ты, Гарходж... — Ведунья назвала мужчину по имени, и Твилла тоже его узнала. Гарходж

жил по соседству, на этой же улице. Две недели назад Халди помогала при родах его жене. Роды были тяжелые, но ведунья сумела спасти и малыша, и мать, когда другие повивальные бабки уже ничего не могли сделать и все распрощались с надеждой, что женщина и ребенок останутся в живых.

— Ведунья Халди! — Гарходж дышал тяжело и прерывисто, как человек, которому только что пришлось быстро бежать. — Они идут, они прошли уже и по Пюнтер-лэйн, и через Грифалькон. У них сейчас недобор, поэтому хватают всех подряд, даже если это не по закону!

Твилла сжалась на стуле в комочек. Гарходжу больше ничего не нужно было объяснять — они и так все поняли.

Охота за невестами! Уже пять лет охотники за девушками время от времени переворачивали вверх дном портовый город, равно как и села, и поселки, и еще два других крупных города Варслаада. Любая не обрученная и здоровая телом девушка могла стать жертвой этой охоты.

Причем ни о каком разбое не было и речи — государственный Совет в полном составе признал «охоту за невестами» законной, и сам король скрепил решение Совета своей подписью и печатью. Поселенцам в Пограничье нужны были жены — и родная страна должна была их предоставить. Конечно, девушкам благородного происхождения такая незавидная участь не грозила, как и тем, которые были помолвлены по всем правилам, с регистрацией в городской ратуше. Зато любую не

слишком родовитую свободную девицу в любой миг могли забрать из родительского дома, оторвать от семьи, от всего, что было с детства знакомо, увезти далеко-далеко, за горы, и выдать замуж за первого встречного незнакомца. Непонятно, почему такое происходило — об этом ходили только неясные слухи... Будто бы любому мужчине, переселившемуся в Пограничье, угрожала смертельная опасность, ежели он не был женат. Казалось бы, над такими нелепыми, невероятными слухами можно просто посмеяться... Да только никто не смеялся. А Варслаад очень нуждался в продуктах, которые производили фермеры Пограничья.

Земли самого Варслаада не годились для сельского хозяйства. Из-за обширной открытой добычи ценных руд, на которой основывались богатство и безопасность государства, плодородной почвы здесь почти не осталось. Страна нуждалась в новых землях, пригодных для возделывания. Почти в каждый сезон холодов случались народные бунты — лишенные клочка земли фермеры и голодающие шахтеры выказывали недовольство настоящим положением вещей. А западные земли были сказочно богаты... Караваны из-за гор привозили столько прекрасного зерна и такое изобилие разнообразной еды, что люди всякий раз собирались толпами встречать прибывающих путешественников и с восхищением рассматривали удивительные грузы.

Вот потому-то и охотились за невестами... Хотя из каждой семьи по закону разрешалось забирать только одну дочь, подходящих девушек все равно хватало — да только вечно голодные дочери разорившихся фермеров и обедневших шахтеров были слишком хилыми и слабыми. У них просто не хватило бы сил перенести долгое и трудное путешествие через горы, в дальнее Пограничье.

— Твилла отдана мне в ученицы, — напомнила Халди.

— Ох, ведунья... Поговаривают, будто Скиммиш донес в городскую управу, что вашу Твиллу взяли из приюта. А потому она как бы и не совсем тебе ученица. Да и кровной родни у сиротки нету, никаких добрых людей, чтоб за нее могли поручиться. А еще... Не гневайся, ведунья... Только есть и такие, кто дурное про тебя говорит. Втихомолку, конечно, — опасаются все же открыто напраслину возводить. Но кому надо, тот услышит... Будто бы ты, ведунья, недобрые и опасные дела творишь, и не мешало бы кому следует за тобой получше присматривать... Если ты сейчас против них слово скажешь — вот оно и выйдет, что не зря они насчет тебя тень на плетень наводили...

Твилла облизала пересохшие губы. Девушка знала, что таких людей, как Халди, — тех, кто обладает сверхъестественными силами, — многие боятся и даже ненавидят. И неважно, сколько добра было сделано с помощью этих чудесных сил... Да, пекарь прав...